

Судебная практика

Кирилл Кислицын

Алгоритм боли

Юристы обсуждают критерии для определения размеров компенсаций морального вреда

Это вызвано необходимостью установления финансовых границ, поскольку суммы выплат потерпевшим имеют колоссальную разницу.

В течение последних лет этот вопрос не раз был предметом обсуждений юридического сообщества, которое решило создать специальную комиссию экспертов при Ассоциации юристов России. Правоведы приступят к разработке механизмов, позволяющих повысить размеры выплат компенсаций морального вреда, а также внесут в этот вопрос больше определённости.

Ежегодно суды рассматривают примерно 16 тысяч дел о компенсации вреда жизни и здоровью, взыскивая в общей сложности свыше 2,5 миллиарда рублей. При этом многие эксперты полагают, что человеческая жизнь и страдания явно недооценены. Год назад средняя «стоимость» жизни равнялась 5,7 миллиона рублей – при возмещении в связи с гибелью. Средняя «стоимость» инвалидности составила 4,8 миллиона рублей. Эксперты, приглашённые АЮР, считают, что при назначении сумм, компенсирующих моральный вред, суды должны быть более консолидированными, единообразными. Необходимо найти разумное, корректное решение, которое позволит привести судебную практику к единому знаменателю.

Комиссия АЮР считает возможным даже разработать специальную компьютерную программу, которая по заданным алгоритмам просчитывала бы ориентировочный размер компенсаций. Это лишь один из инструментов решения проблемы совершенствования практики назначения таких компенсаций. Исследования результатов свежей судебной практики показывает, что размеры компенсаций морального вреда в среднем даже уменьшились. При этом руководство Верховного суда не раз высказывалось против необоснованного занижения размеров присуждаемых выплат.

Однако нижестоящие инстанции на эти высказывания не реагируют, ситуация по взысканиям не меняется: суммы по-прежнему разные, и в массе своей мизерные.

Понятно, что твёрдых тарифов за нанесённые обиды быть не может. В каждом деле суд, взвешивая все обстоятельства, решает индивидуально. Тем не менее в подобных делах судам необходимо ориентироваться. Каждый человек, понёсший утрату, переживает трагедию по-разному. Однако случаи достаточно типичны, так что необходимо установить общие финансовые подходы, но оставить за судьями право для личностной точки зрения, не допуская значительной разницы в назначении сумм.

Точка отсчёта – вина подсудимого

Что касается приговоров районных судов Магнитогорска, то сенсационных случаев в назначении сумм, компенсирующих моральный вред, не наблюдалось. Так, в июле прошлого года Правобережный районный суд за убийство одного человека и покушение на жизнь другого приговорил рецидивиста Зайцева к восемнадцати годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии особого режима. Сестра и родители погибшего заявили иск: каждому по миллиону рублей. Суд удовлетворил требования потерпевших, приняв во внимание рецидив и особо жестокий характер преступления. Зайцев серьёзно ранил мужчину, но, увидев, что человек подаёт признаки жизни, схватил другой нож и продолжил наносить удары. После прибытия наряда полиции, установившего, что мужчина дышит, Зайцев порывался «добить» жертву.

В июне прошлого года Орджоникидзевский районный суд частично удовлетворил иски требования матери, потерявшей сына. Его убил брат жены, который решил свести счёты с обидчиком сестры. Преступника приговорили к восьми годам колонии строгого режима. За потерю близкого человека мать погибшего просила назначить

компенсацию в размере миллиона рублей. Суд, учитывая характер и степень страданий истца, вину ответчика, а также его имущественное положение, назначил к взысканию 700 тысяч рублей.

Понятно, что никакие деньги не заменят матери погибшего сына, не заглушат боль утраты, однако убийца обязан «извиниться» рублём. Но расчёты не могут строиться на личных переживаниях, поскольку они субъективны. Невозможно подсчитать, сколько слёз пролито, кто больше или меньше был привязан к погибшему. Эксперты подсказывают, что выход можно найти, проанализировав ситуацию, связанную с личностью и поступками виновного. Допустим, пьяный водитель насмерть сбил человека. В этом случае сумма компенсации должна быть много выше, чем в случае, когда трезвый автолюбитель не смог предотвратить наезд на беспечного пешехода по причине метеоусловий. Иными словами, точку отсчёта следует вести не от «величины» страданий, а от степени вины подсудимого.

Именно этот фактор дал основания двум жертвам просить суд о взыскании с грабителя двух миллионов рублей. В конце ноября прошлого года в Ленинском районном суде Магнитогорска вынесли приговор человеку, который серьёзно покалечил двух женщин во время ограбления. 40-летний менеджер одной из финансовых организаций, вооружившись молотком, наносил удары по голове, выхватывал сумки и скрывался. Женщины избежали смерти благодаря вмешательству прохожих. В одном случае в пакете у жертвы были остатки еды для собаки, а в кошельке – тысяча рублей. В другом – добычей стали две тысячи рублей и сотовый телефон.

При назначении компенсации суд учёл причинение тяжкого вреда здоровью, нравственные и физические страдания людей, частично удовлетворив их иски: требования: вместо двух миллионов каждой жертве назначено по 800 тысяч рублей. Грабитель на 15 лет отправился за решётку.

В судебной практике зафиксирована минимальная сумма, в которую оценили боль и людские страдания, – пять тысяч рублей. Максимальная доходила до 15 миллионов. Иск на минимальную по Челябинской области сумму компенсации морального вреда – 20 тысяч рублей – был заявлен в 2017 году сестрой человека, которого насмерть забили два жителя Аннинска. С каждого осуждённого взыскали по десять тысяч рублей.

При этом молодые люди просили суд учесть 3400 рублей, которые они потратили на благоустройство могилы убитого ими человека.

Цена следственной ошибки

Региональная судебная практика свидетельствует о росте «стоимости» морального ущерба. Если несколько лет назад даже в случае смерти человека сумма составляла от 200 до 300 тысяч рублей, то теперь потерпевшие заявляют сумму в три-пять миллионов. Однако в практике магнитогорских судов был случай, когда жертва следственной ошибки просила компенсацию в размере десяти миллионов рублей.

В мае 2018 года Орджоникидзевский районный суд рассмотрел гражданское дело, в котором жительница Нагайбакского района, назовём её Раилёй, предъявила иски требования к Министерству финансов РФ, следственному управлению Следственного комитета РФ по Челябинской области о взыскании компенсации за причинённый моральный вред. Раилёя, как подозреваемая в убийстве, была заключена под домашний арест, который продлился пять месяцев. Следствие основывалось на показаниях свидетельницы, якобы видевшей, как Раилёя вонзила нож в потерпевшего. Через полгода из прокуратуры Нагайбакского района в Следственный комитет поступил документ: явка по повинной той самой свидетельницы. Женщина созналась, что оговорила Раилёю, поскольку «ей некуда было деть детей».

Уголовное дело в отношении Раилёи прекратили, признав за ней право на реабилитацию. Бывшая подозреваемая требовала десять миллионов. Эта сумма, по её мнению, способна была сгладить негативные последствия. Она, имевшая безупречную репутацию, перенесла нравственные страдания: стыд, беспокойство, унижение, утрату доверия руководителей и коллег по работе. Кроме того, она потеряла не родившегося ребёнка. Миллионы истица просила взыскать из казны Российской Федерации.

Возмещение морального вреда за незаконное осуждение, привлечение к уголовной ответственности, заключение под стражу осуществляется за счёт казны РФ. В оговорённых законом случаях, за счёт казны субъекта или казны муниципального образования, независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда.

В судебном процессе прокурор посчитал сумму морального вреда завышенной, врач-гинеколог доказал, что прерывание беременности связано с наличием патологии и хроническими болезнями истицы.

Что касается отношений на работе, то свидетели пояснили, что Раилёя сочувствовала, давала советы, на собраниях коллектива её не обсуждали. Суд Орджоникидзевского района удовлетворил иск частично: вместо десяти миллионов сумма компенсации за моральный вред составила 50 тысяч рублей. Средства взыскали из средств казны РФ.

Денежный эквивалент компенсации морального вреда имеет две важные функции: восстановление социальной справедливости и превентивность. Риск взыскания больших денег может удерживать от противоправного поведения, заставить строже соблюдать законы.

Однако в разговорах о необходимости повышения сумм компенсации морального вреда правоведы забывают самую важную деталь. Так, один из магнитогорских судей заметил: мол, можно назначить и пять миллионов, и десять, но это «бумажные», виртуальные деньги, которые никогда не будут взысканы в пользу потерпевших. Юристам надо бы просчитывать не реальную стоимость жизни, ссылаясь на европейскую практику, а узнать, сколько за последние годы потерпевшим возместили денег из сумм, назначенных судом в качестве компенсации морального вреда. Следует учитывать, что труд в местах заключения – в настоящее время дело исключительно добровольное. Кроме того, большая часть денег, заработанных сидельцем, идёт на его же содержание, часть – на алименты, остатки – на погашение иски требований. В итоге получается сумма, в редких случаях превышающая три-пять тысяч рублей в месяц. Сколько лет следует провести в местах лишения свободы, чтобы выплатить суммы, которые сейчас назначаются судами: от 500 до миллиона рублей? Заметим, за десять лет хотя бы часть этих денег всё же поступит на счета пострадавших. Если же назначать компенсации, приближенные к средней «стоимости» загубленной жизни, около шести миллионов рублей, то простой сиделец, а таких большинство, никогда не выплатит этих денег. В противном случае, срок его пребывания за решёткой должен быть не менее века.

Ирина Коротких